

Редьярд Киплинг

Его величество король

*Часть сборника
Рикша-призрак (сборник)*

Редьярд Джозеф Киплинг

Его величество король

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6648570

Аннотация

«...Его величество король ложился спать. И бедная, терпеливая мисс Биддэмс, которая скромно публиковалась, как „молодая особа из Европы, умеющая ухаживать за маленькими детьми“, должна была присутствовать до окончания королевских капризов. Его величество владел соответствующим его положению искусством забывать кого-нибудь из своих многочисленных маленьких друзей при молитве, и, из боязни прогневать Бога, он раз пять в вечер принимался молиться сызнова. Его величество король верил в действие молитвы, как верил в Чимо, терпеливую болонку, или в мисс Биддэмс, которая могла достать ему ружье „с настоящими“ пистонами с самой верхней полки шкафа в детской...»

Редьярд Киплинг

Его величество король

* * *

*В слове короля его сила. И кто может спросить
его: что ты делаешь?*

– Да! А Чимо должен спать у меня в ногах. Потом дайте мне сюда мою розовую книжку и положите хлеба. Я ведь могу проголодаться ночью. Теперь все, мисс Биддэмс. Только еще разок поцелуйте меня. Сейчас я засну. Так! Очень хорошо. Ай! Розовая книжка завалилась за подушку, а хлеб раскрошился. Мисс Биддэмс! Мисс Биддэмс! Мне очень неловко. Пожалуйста, подите ко мне, мисс Биддэмс, закройте меня.

Его величество король ложился спать. И бедная, терпеливая мисс Биддэмс, которая скромно публиковалась, как «молодая особа из Европы, умеющая ухаживать за маленькими детьми», должна была присутствовать до окончания королевских капризов. Его величество владел соответствующим его положению искусством забывать кого-нибудь из своих многочисленных маленьких друзей при молитве, и, из боязни прогневать Бога, он раз пять в вечер принимался мо-

литься сызнова. Его величество король верил в действие молитвы, как верил в Чимо, терпеливую болонку, или в мисс Биддэмс, которая могла достать ему ружье «с настоящими» пистонами с самой верхней полки шкафа в детской.

За дверями детской прекращалось действие королевской власти. За этими границами начиналась империя отца и матери – двух страшных людей, у которых не было времени заниматься его величеством королем. Его голос понижался, когда он переступал эту границу, его действия теряли свою уверенность, а душа наполнялась страхом перед сумрачным человеком, живущим в обширной пустыне, среди ящиков с бумагами и удивительно привлекательными красными тесемками, и красивой женщиной, которая всегда входит в большой экипаж и выходит из него.

Первый владел тайнами дуфтаров, вторая – громадной, отраженной в зеркалах пустыней, где висели на высоких вешалках всевозможные пестрые, благоухающие наряды и стоял туалетный стол с множеством разных мешочков, футляров, гребенок и щеток.

Эти комнаты не были открыты для его величества короля ни во время официальных приемов, ни во время пышных празднеств. Он открыл это давно, века и века назад – задолго до появления в доме Чимо или до того, как мисс Биддэмс перестала сокрушаться над пачкой засаленных писем, которые, казалось, были самым дорогим для нее сокровищем на земле. И его величество король благоразумно ограничивался

собственной территорией, где одна мисс Биддэмс, и то весьма слабо, сопротивлялась его воле.

От мисс Биддэмс он заимствовал свои несложные религиозные понятия, смешав их с легендами о богах и дьяволах, которые он вынес из своего общения с прислугой в кухне.

Мисс Биддэмс он доверял как свои разорванные платья, так и наиболее серьезные печали. Она и знала все, и могла сделать все. Она в точности могла объяснить, как возникла земля, и могла успокоить трепетавшую душу его величества в то ужасное время в июле, когда дожди лили не переставая семь дней и семь ночей, и не появлялась радуга на небе, и разлетались все вороны! Она была самая могущественная из всех вокруг, конечно, за исключением тех двух далеких, молчаливых людей, за дверями детской.

Как мог знать его величество король, что шесть лет назад, как раз в то лето, когда он родился, м-с Аустель, перебирая бумаги мужа, наткнулась на безумное письмо сумасшедшей женщины, увлекшейся душевной силой и красотой молчаливого человека? Как мог знать он, сколько смятения и отчаяния внес в душу ревнивой женщины только один взгляд, брошенный на маленький клочок бумаги? Как мог он, при всей своей мудрости, угадать, что мать сочла этот эпизод достаточным поводом для полного разрыва с мужем, для создания отчужденности, возрастающей и усиливающейся с каждым годом; что она зарыла этот скелет в доме, сделала его своим домашним богом, который был всегда на ее пути, сторожил

ее сон у постели и отравлял каждую минуту ее жизни?..

Все это было вне власти его величества короля. Он знал только, что отец был изо дня в день погружен в какие-то таинственные дела, во что-то, с чем связывалось название Сиркар, а мать была постоянно во власти Науча и Бура-хана. В эти учреждения ее сопровождал какой-то капитан, на которого его величество король не хотел смотреть.

– Он не смеется, – возражал он мисс Биддэмс, пытавшейся внушить ему правила вежливости. – Он только делает гримасу ртом, когда хочет насмешить меня, а мне вовсе не смешно.

И его величество король качал головой с видом человека, познавшего всю суетность этого мира.

Утром и вечером должен он был приветствовать отца и мать: первого – холодным серьезным пожатием руки, вторую – таким же холодным поцелуем в щеку. Один раз только случилось, что он обвил руками шею матери так же, как привык это делать с мисс Биддэмс. Кружевом своей манжетки он задел за сережку, и заключительной стадией проявления чувства его величества был сдавленный крик и затем изгнание в детскую.

«Нехорошо, что мемсахиб носят какие-то вещи в ушах, – думал его величество король. – Я это запомню». И он никогда не повторял больше опыта.

Следует отметить, что мисс Биддэмс баловала его, насколько могла, чтобы вознаградить за то, что она называла

про себя «жестокостью его папа и мама». Не выходящая за пределы своих обязанностей, она не имела никакого представления о раздорах супругов – о необузданном презрении к женской глупости с одной стороны и глухого, затаенного гнева с другой. Мисс Биддэмс за свою жизнь имела много детей на своем попечении и служила во многих соответствующих учреждениях. Скромная по натуре, она мало замечала, еще меньше говорила, а когда ее питомцы уезжали за море, в сторону чего-то великого и неизвестного, что она трогательно называла «родиной», она собирала свои скудные пожитки и уходила. Затем начинала думать о новом месте, искать себе новых питомцев, чтобы снова расточать свою любовь, не требуя за то благодарности. Так прошел через ее руки целый ряд неблагодарных. Но его величество король оплачивал ее привязанность с лихвою. К его детскому вниманию обращала она рассказы о своих неоправдавшихся надеждах и неосуществившихся мечтах, о померкшей славе дома предков «в Калькутте, возле Веллингтонского сквера».

Все превышавшее уровень обыкновенного было в глазах его величества короля «Калькутта хорошая». Но когда мисс Биддэмс шла наперекор его высочайшей воле, он изменял эпитет, чтобы досадить почтенной леди, и все дурное называл «Калькутта гадкая», пока инцидент не заканчивался слезами раскаяния.

Время от времени мисс Биддэмс испрашивала для него редкое удовольствие провести день в обществе дочери ко-

миссионера – своенравной четырехлетней Патси, обожаемой своими родителями, к величайшему изумлению его величества короля.

После продолжительного обдумывания этого обстоятельства он пришел неизвестным для вышедших из детства путем к заключению, что Патси любят за большой голубой кушак и желтые локоны.

Это драгоценное открытие он держал при себе. Желтые локоны были вне его власти; его собственная растрепанная шевелюра была темно-картофельного цвета. Но что-нибудь похожее на голубой кушак можно сделать. Он завязал большой узел на своей занавеске от москитов, чтобы не забыть при первой же встрече посоветоваться об этом с Патси. Она была единственным ребенком, с которым ему приходилось разговаривать, и почти единственным, которого он видел. Маленькая память и очень большой, растрепанный узел со служили свою службу.

– Патси, дай мне свою голубую ленту, – сказал его величество король.

– Ты порвешь ее, – сказала Патси с негодованием, вспоминая некоторые из его жестокостей по отношению к ее куклам.

– Нет, я не буду рвать. Я только поношу ее.

– Фу! – сказала Патси. – Мальчики не носят лент, это только для девочек.

– Я не знаю. – Лицо его величества короля омрачилось

печалью.

– Кому это нужно ленту? Что, вы хотите играть в лошадки, ребятки? – спросила жена комиссионера, выходя на веранду.

– Тоби просит мой кушак, – объяснила Патси.

– Я не знаю, – проговорил его величество король поспешно, чувствуя, что одним из этих ужасных «больших» его маленький секрет может быть позорно вырван у него и даже – худшее осквернение – высмеян.

– Хочешь, я дам тебе шутовской колпак? – спросила жена комиссионера. – Иди к нам, Тоби, я покажу тебе.

Шутовской колпак был великолепный – остроконечный, с тремя бубенчиками наверху. Его величество король примерил его на свою царственную голову. У жены комиссионера было лицо, внушавшее невольное доверие детям, и все ее манеры были проникнуты нежностью.

– Это так же хорошо? – сомневался его величество.

– Так же, как что, крошка?

– Как лента?

– Ну, конечно! Пойди и посмотри сам в зеркало.

В голосе звучала полная искренность, идущая навстречу детской потребности наряжаться. Но юные дикари всегда очень чутко воспринимают насмешку. Его величество король подошел к большому зеркалу и увидел в нем свою голову, увенчанную ужасным дурацким колпаком, который его отец разорвал бы в клочки, найдя у себя в кабинете. Он сорвал его с головы и залился слезами.

– Тоби, – серьезно сказала жена комиссионера, – ты не должен давать волю своему характеру. Это нехорошо, и мне очень неприятно видеть тебя в таком состоянии.

Но его величество король рыдал так безутешно, что сердце матери Патси было растрогано. Она посадила ребенка к себе на колени. Очевидно, что дело тут было не в одном капризе.

– Что с тобой, Тоби? Скажи мне. Тебе нездоровится?

Слова и рыдания перемешивались между собой и переходили в всхлипывания, вздохи и неясный лепет. Затем наступил перерыв, и его величество король, после нескольких непонятных звуков, произнес так же маловразумительные слова: «Ступай... вон... грязный... маленький постреленок!»

– Тоби! Что это значит?

– Он так скажет. Я знаю это! Он сказал это, когда увидел маленькое пятнышко на моем переднике. И он опять это скажет и будет еще смеяться, если я приду к нему в этом колпаке.

– Кто скажет это?

– М... мой папа! Я думал, что он позволит мне играть бумагами из большой корзины под его столом, если я надену голубую ленту.

– Какую же голубую ленту, деточка?

– Ту самую, которую носит Патси. Большой голубой бант.

– Что все это значит, Тоби? У тебя что-то неладно в голо-

ве. Расскажи мне все по порядку, и, может быть, я помогу тебе.

– Ничего особенного, – просопел его величество, желая сохранить остатки своего мужского достоинства и поднимая голову с материнской груди, на которой она покоилась. – Я только думал, что вы любите Патси за то, что она носит голубую ленту, и хотел надеть ленту, чтобы и мой папа любил меня.

Тайна была открыта, и его величество король снова заливался горькими слезами, невзирая на нежные ласки и слова утешения.

Шумный приход Патси прервал эту сцену.

– Иди скорее, Тоби! Там ящерица в саду, и я велела Чимо караулить ее, пока мы придем. Мы ударим ее этой палкой, и хвостик будет дергаться, дергаться, потом отпадет. Идем! Я не буду ждать!

– Иду, – сказал его величество король, слезая с колен жены комиссионера после торопливого поцелуя.

Через две минуты хвостик ящерицы вертелся на полу веранды, дети с серьезными лицами подхлестывали его прутиками, чтобы сохранить в нем жизнь и чтобы он и еще повертелся, потому что ведь ящерице от этого не больно.

Жена комиссионера стояла в дверях и наблюдала. «Бедный, маленький птенчик! Голубой кушак... И моя ненаглядная, дорогая Патси! Даже лучшие из нас, с любовью относящиеся к ним, часто не представляют себе, что происходит в

их хаотических головках».

И она ушла в комнаты, чтобы приготовить чай для его величества короля.

«Их души развиваются быстро в этом климате, – продолжала она свои размышления. – Хотелось бы мне внушить это м-с Аустель. Бедный мальчуган!»

Не оставляя намерения повлиять на м-с Аустель, жена комиссионера пошла к ней и долго с любовью говорила о детях вообще, и о его величестве короле в особенности.

– Он в руках гувернантки, – сказала м-с Аустель тоном, в котором не чувствовалось никакого интереса к предмету разговора.

Жена комиссионера, неискусный стратег, продолжала свои расспросы.

– Не знаю, – отвечала м-с Аустель. – Это все предоставлено мисс Биддэмс, и, без сомнения, она не обижает ребенка.

Жена комиссионера скоро собралась домой после этого заявления. Последняя фраза больно ударила ее по нервам. «Не обижает ребенка! И это все, что нужно! Воображаю, что сказал бы Том, если бы я только не обижала Патси!»

С тех пор его величество король стал почетным гостем в доме комиссионера и избранным другом Патси, с которой он проводил время во всевозможных забавах. Патсина мама была всегда готова дать совет, оказать дружеское содействие детям. Если было нужно и если не было у нее посетитель, она могла даже принять участие в детских играх. Увле-

ченность, которую она при этом проявляла, могла бы шокировать прилизанных субалтернов, мучительно сжавшихся на стульях во время их визитов к той, которую они за глаза называли «мамашей Бонч».

И вот, несмотря на Патси и ее маму и на любовь, которую они щедро изливали на него, его величество король пал в бездну преступления – не признанного, но тем не менее тяжкого – он сделался вором.

Однажды, когда его величество играл один в зале, пришел человек и принес сверток для его мамы. Слуги не было дома, человек положил сверток на столе в зале, сказал, что ответа не нужно, и ушел.

Собственные игрушки успели уже к этому времени надоесть его величеству, и белый изящный сверток был очень интересен. Ни мамы, ни мисс Биддэмс не было дома. Сверток был перевязан розовой тесемочкой. Именно такую тесемочку ему давно уже хотелось иметь. Она могла ему пригодиться в очень многих случаях, он мог привязать ее к своему маленькому плетеному стульчику, чтобы возить его по комнатам, мог сделать из нее вожжи для Чимо, который никак не мог научиться ходить в упряжке, и многое, тому подобное. Если он возьмет тесемочку, она будет его собственностью, нет ничего проще. Конечно, он никогда не набрался бы храбрости попросить ее у мамы. Вскарабкавшись на стул, он осторожно развязал тесемку. Жесткая белая бумага тотчас же развернулась и открыла красивый маленький кожа-

ный футляр с золотыми буквами на крышке. Он попробовал завернуть по-прежнему бумагу, но это не удалось ему. Тогда он открыл уж и футляр, чтобы окончательно удовлетворить свое любопытство, и увидел прекрасную звезду, которая блестяла и переливалась так, что нельзя было от нее оторваться.

– Вот, – сказал его величество, размышляя, – это именно такая корона, какую я должен надеть, когда полечу на небо. У меня должна быть такая корона на голове – мисс Биддэмс сказала. Мне хотелось бы надеть ее сейчас. Хотелось бы поиграть ею. Я возьму ее и буду играть ею очень осторожно, пока мама не спросит. А может быть, ее для меня и купили, чтобы играть, так же как колясочку.

Его величество король прекрасно знал, что говорит против своей совести, потому подумал тотчас же вслед за этим: «Ничего, я поиграю ею, только пока мама не спросит о ней, а тогда я скажу: „Я взял ее, но больше никогда не буду“. Я не испорчу эту красивую алмазную корону. Только мисс Биддэмс велит мне положить ее обратно. Лучше я не покажу ее мисс Биддэмс».

Если бы мама пришла в эту минуту, все обошлось бы благополучно. Но она не пришла, и его величество король засунул бумагу, футляр и звезду за пазуху своей блузки и ушел в детскую.

– Когда мама спросит, я скажу, – успокаивал он свою совесть.

Но мама не спрашивала, и целых три дня его величество

король наслаждался своим сокровищем. Он не нашел ей достойного применения, но она была так великолепна и имела, как ему было известно, отношение к самим небесам. Однако мама все еще не спрашивала, и ему начинало порой казаться, что блеск звезды уже тускнеет. Что было толку в алмазной звезде, если она доставляла, в конце концов, столько мучений? Наряду с другими сокровищами он обладал и розовой тесемочкой, но часто желал, чтобы только она и была у него. Он в первый раз поступил дурно, и сознание о дурном поступке начало мучить его тотчас же после того, как пропал интерес тайного обладания «алмазной короной».

Каждый день промедления отодвигал возможность признания людям, живущим за дверями детской. Несколько раз собирался он остановить красиво одетую леди, когда она выходила из дома, и объяснить ей, что он, и никто другой, взял прекрасную «алмазную корону», о которой никто не спрашивал. Но она торопливо проходила к экипажу, и случай был уже упущен, прежде чем его величество король успевал перевести дыхание, которое захватывало у него от волнения. Ужасная тайна отдалила его от мисс Биддэмс, Патси и жены комиссионера и причинила ему новое огорчение, когда Патси, не зная, чем объяснить его сосредоточенную молчаливость, сказала, что он на нее дуется.

Длинные были дни для его величества короля и еще длиннее ночи. Мисс Биддэмс не раз говорила ему раньше о неизбежной участи воров, и, когда они проходили по грязным

улицам мимо центральной тюрьмы, у него дрожали ноги.

Облегчение наступило к вечеру одного дня, после пуска лодочек в большом водоеме, находящемся в глубине сада. Его величество король пришел пить чай, и в первый раз, на его памяти, еда была противна ему. Нос у него был очень холодный, а щеки, наоборот, горели, как в огне. Ноги были так тяжелы, что, казалось, на них висели гири, а голова как будто распухла, и он сжимал ее несколько раз обеими руками.

– Как это смешно! – сказал его величество король, потирая нос – В моей голове что-то стучит и звенит – бум-бум.

Он тихо, без шалостей лег в постель. Мисс Биддэмс не было дома, слуга раздел его.

После нескольких часов тяжелого сна он проснулся и чувствовал себя так плохо, что даже забыл о своем преступлении с «алмазной короной». Ему хотелось пить, а слуга позабыл поставить воду.

– Мисс Биддэмс! Мисс Биддэмс! Я хочу пить!

Нет ответа. Мисс Биддэмс ушла на свадьбу к калькуттской школьной подруге. Его величество король забыл об этом.

– Я хочу пить! – кричал он, но вместо крика выходил хрип из его пересохшего горла. – Дай мне пить! Где мой стакан?

Он сел в постели и огляделся кругом. Звук голосов доносился из соседних комнат. Лучше встать лицом к лицу с неизвестным, чем дрожать здесь в темноте. Он сполз с кровати, но ноги как-то странно не слушались его, и он пошат-

нулся раз или два. Затем он толкнул дверь и остановился на пороге – маленькая, задыхающаяся фигурка с ярко-красным лицом – ярко освещенной комнаты, полной роскошно одетых дам.

– Мне очень жарко! Мне очень больно! – простонал его величество король, цепляясь за портьеру. – И в стакане нет воды, а я хочу пить. Дайте мне пить.

Видение в черном и белом – его величество король с трудом различал окружающие его предметы – подняло его к столу и попробовало его лоб и виски. Появилась вода, он с жадностью пил, я его зубы стучали о край стакана. Затем, кажется, все ушли, все, кроме большого человека в черном и белом, который отнес его обратно в постель, а папа и мама шли за ним. И мысль о преступлении с «алмазной короной» вновь овладела его помраченным сознанием.

– Я вор! – вздохнул он. – Я хочу сказать мисс Биддэмс, что я вор. Где мисс Биддэмс?

Мисс Биддэмс подошла и наклонилась над ним.

– Я вор, – прошептал он. – Вор такой же, как люди в тюрьме. Но я теперь все расскажу. Я взял алмазную корону, которую человек оставил в зале на столе. Я развернул бумагу и открыл маленький ящик, и она так хорошо блестела. Мне захотелось поиграть ею, и я взял ее, а потом испугался. Она лежит там, на дне ящика с игрушками. Пойдите достаньте ее оттуда.

Мисс Биддэмс послушно пошла к нижней полке шкафа

и взяла большую коробку, в которой его величество король держал драгоценнейшие из своих сокровищ. Под оловянными солдатиками, среди нескольких сплюснутых пуль, блестя и переливалась бриллиантовая звезда, небрежно завернутая в клочок бумаги, на котором было написано несколько слов. Кто-то вскрикнул в головах постели, и мужская рука дотронулась до лба его величества короля, который развернул сверток на своем одеяле.

– Вот алмазная корона, – сказал он и горько заплакал. Возвратив сокровище, он снова почувствовал, как оно ему дорого.

– Это относится и к вам, – сказал голос стоящего у изголовья. – Прочтите записку. Теперь нечего больше скрывать.

Записка была коротка, но многозначительна и подписана только одним инициалом. **«Если на вас будет это завтра вечером, я буду знать, чего мне ожидать»**. С того числа, которым была помечена записка, прошло уже три недели.

Послышался шепот, затем глубокий мужской голос снова произнес: **«И ты все еще далека от меня! Мне кажется, мы уже квиты? Ну неужели же мы не можем раз навсегда покончить с этим безумием? Стоит ли оно этого, дорогая?»**

– Поцелуйте и меня, – пролепетал его величество король сонным голосом. – Вы не очень сердитесь на меня?

Пароксизм начал проходить, и его величество король заснул.

Когда он проснулся, то почувствовал себя в новом ми-

ре – наполненном отцом, матерью и мисс Биддэмс. И этот мир был так насыщен любовью, что в нем не осталось ни одного маленького уголочка для страха, а любви хватило бы на нескольких мальчиков. Его величество король был еще слишком мал, чтобы размышлять о людских поступках и последствиях, а то он был бы очень удивлен выгодами, полученными от совершения греха и преступления. Ведь он украл «алмазную корону» и вместо наказания был награжден любовью и правом играть всегда в большой корзине с бумагами.

Его отпустили однажды утром поиграть с Патси, и жена комиссионера хотела поцеловать его.

– Нет, не сюда, – решительно остановил ее его величество король, закрывая рукой уголок своего рта. – Это мамино местечко, она всегда целует меня сюда.

– Ого! – сказала жена комиссионера. И затем прибавила про себя: «Ну что же, остается только порадоваться за него. Дети – маленькие, неблагодарные эгоисты. Но ведь у меня есть моя Патси».